

В.Г. Перельмутер
Мюнхен, Германия

Л.В. Егорова
Вологодский государственный университет

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗГОВОРА О С.Д. КРЖИЖАНОВСКОМ И «О ПОЛЬСКОЙ НОВЕЛЛЕ»

Продолжение разговора об опубликованном очерке «О польской новелле»: почему очерк не был включен в СС Кржижановского; сохранилась ли рукопись с его почерком; все ли из наследия было опубликовано, и если нет, что и почему?

С.Д. Кржижановский (СДК), «О польской новелле», Собрание сочинений (СС) Кржижановского, почерк Кржижановского.

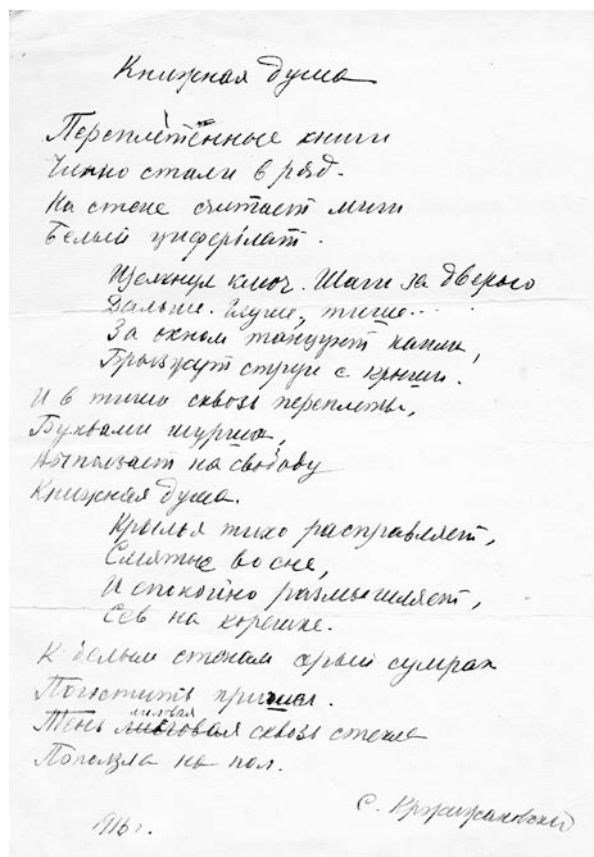
Л. Е. Очерк мне представляется столь много говорящим, что не могу не спросить, а почему Вы не включили его в Собрание сочинений?

В. П. Причины – самые разные. Прежде всего – «полное собрание» и не задумывалось. Первоначально намечалось 4 тома, потом стало 5, потом нашелся «Киевский архив-призрак», который искался четверть века, и там многое, чего нет в ЦГАЛИ-РГАЛИ, так что пятый том собрал более тысячи страниц, и его, естественно, разделили надвое. Из статей я целиком дал только шекспировские – в память об А.А. Аниксте, который считал это обязательным, и пушкинские. Далее пришлось выбирать: «Одноактная пьеса», будучи опубликованной, уступила место ненапечатанному (к тому же в Собрание не вошла ни одна одноактная пьеса самого СДК, потому было не очень логично печатать «результат» без его «происхождения»). «О польской новелле» долго думал и все-таки склонился к тому, что для «широкого читателя», под-разумываемого, конечно, эта вещь – без текстов, на которые ссылается автор, потому как его будущий читатель будет их иметь перед глазами, – будет сложноватой в восприятии, ну, и так далее.

Л. Е. Мне представляется, что даже без текстов очерк чрезвычайно любопытен, но прежде чем перейти к обсуждению, хочется переспросить. Сохранилась машинопись? Я правильно предполагаю, что прозу Кржижановский писал от руки, а размышления о литературе диктовал машинисткам? Или все диктовал? Мы знаем его почерк?

В. П. С почерком – сложнее: никаких рукописей прозы и статей у него не бывало, он диктовал (кстати, думаю, что привычка эта, естественная для того, кто «начинал стихами», но редчайше сохраняющаяся в дальнейших занятиях прозой), иногда – нечасто – правил по машинописи, но в «Новелле» правки нет – только вписанные им от руки польские слова и фразы. «От руки» в архиве – только Записные тетради (я их некогда отсканировал, «позаимствовав» на несколько часов в Киевском Архив-музее), однако воспроизвести с ксероксов для СС оказалось делом бессмысленным – старая, пожелтевшая бумага, полустертый карандаш etc, некоторое количество стихов и несколько «дело-

вых» записей, ну, и, разумеется, письма. У меня есть только подаренные мне вдовою И.Н. Розанова несколько стихотворений СДК, выведенные им на бумаге специально для «коллекции» Ивана Никаноровича. Листок странным образом затерялся среди розановских бумаг, «в коллекцию» при жизни коллекционера не попал. И много лет спустя, когда я стал заниматься СДК, Ксения Александровна Марцишевская мне эти стишки подарила. Иллюстрацией почерка СДК это стать не может, почерк у него был «сложный», а тут он как бы вспомнил гимназические годы... Если сочтете интересным, можно дать.

Да, хотел Вам сказать, что именно после «О польской новелле» я стал именовать сочинения СДК (кроме повестей, каждая из коих, по-моему, независимо от

количества страниц, – роман) «новеллами». Ибо они совершенно соответствуют его собственному определению новеллы. Так что очерк, сочиненный, когда прозы уже не было, можно понимать как «автокомментарий».

Л. Е. Здесь, действительно, сошлось многое:

- автокомментарий – без кавычек, по-моему: автокомментарий для умеющего слышать,
- исторический комментарий: и время прекрасно ощущается, и звучит тема памяти,
- историко-литературный,
- историческая поэтика, о которой мне бы хотелось Вас расспросить.

Кржижановский знал об «Исторической поэтике» А.Н. Веселовского? Очевидно, что Сигизмунд Доминикович предельно скромно: «Наша относительно небольшая по объему “Польская новелла” не имеет возможности предпринять литературные раскопки, заняться, так сказать, археологией вопроса». Но как много он извлек!

Продуктивен его поиск первых «контуров» жанра – прановеллы: находки народных устных формообразований.

Он выходит к стихотворной форме: «Надо понять: в те давние времена “художественной” считалась только стихотворная форма, рифмы “держались за руки”, были смежными, словно боясь потерять друг друга в потоке скандированной речи».

Интересуется задерживающимся на долгое время «откреплением чисто прозаического (хотя и художественного) сюжета от стиховой формы».

Насколько я поняла, для Кржижановского рассказ, в отличие от новеллы, – первичная форма. А какие еще формы первичны для него?

Как я поняла, для него рассказ и новелла близки по объему, но существенное отличие в том, что рассказ движется по привычным линиям повествования (он «параллелен» жизни), новелла же, отклоняясь от действительности, вносит большее своеобразие. Ее тенденция – к эксперименту, к конденсированию, кристаллизации.

Дальше, если честно, я немного потерялась в его ощущениях. С одной стороны, рассказ для Пшибышевского и для Кржижановского – «жизненный анекдот, услышанный или прочитанный», не так ли? С другой – даже короткий рассказ для Кржижановского и для Ванцлава Берента многосюжетен. (Новелла односюжетна.)

Рассказ «переходит черту не “числом знаков” (это не так-то и важно), а числом значимостей, является своего рода “уравнением со многими неизвестными”». Но не много ли значима и новелла? Да, я помню его комментарий: «Рассказ, особенно новелла, это самоограничивающиеся жанры». Следовательно, новелла превосходит рассказ в самоограничении. Но, это «малое по объему литературное дело» ведь получается не менее многозначным и многоосмысленным?

В. П. Мне очень нравится, что – и как Вы прочертили. Подобное относится не только к «Новелле» – просто у него был такой – стереофонический (или полифонический) образ мысли. И, что меня когда-то особенно поразило, мысль его, как бы ни разветвлялась, все равно сходится в одно древо.

У меня при перечитывании новеллы возникло соображение, которое почему-то прежде в голову не приходило. Верней назвать – ассоциация: он упоминает «сюжетные ходы» или образы некоторых авторов – и я вижу, что вариации на темы этих ходов и образов (иначе, по-своему обдуманые) возникали в собственной прозе СДК. Например, про машину, которая может читать мысли, – тут и часть «антиутопия» в «Клубе убийц букв», и «абсорбатор злобы» (и его вынужденная остановка) в «Желтом угле» и т.п. То есть речь идет, не больше и не меньше, о том, как «родная литература» (в данном случае польская, читанная СДК в довольно-таки раннем возрасте, по большей части в отрочестве) потом «влияет» на сочинения, созданные на языке «выученном» и ставшим «писательским». Я когда-то писал, что писатели, сочиняющие на «выученном», изначально «неродном» языке, часто становятся замечательными стилистами, потому что, выучивая язык, обращают внимание на некоторые его особенности, которые для «носителей языка» с детства сами собой разумеющиеся. Но здесь, по-моему, случай уникальный. Любопытно было бы в этом ракурсе поглядеть, например, на сочиненное Аполлинером или Конрадом.

Л. Е. Да, с Кржижановским любопытно во многое углубиться.

Собрание сочинений делалось с приключениями?

В. П. Я давно заметил, что, когда всерьез влезешь в какую-то работу, то постепенно возникает нечто вроде магнитного поля, в которое втягиваются как бы сами собою события и вещи, нипочем не случившиеся, ежели искал бы их специально. И в этом поле подчас происходит то, что «не могло бы», то бишь находится, например, выход из тупика. «Киевский архив» СДК – его бумаги, которые жена увезла в начале 60-х в Одессу, искали с начала 80-х, не только я. Было точно известно, что он существовал, что после смерти жены был передан ее сестрой в Одесское отделение Литфонда СП Украины и... все. Ни следа – ни в Одессе, ни в Киеве.

Осенью 2005-го, заканчивая подготовку пятого тома, я стал собирать картинки для вклейки, и мне понадобилась фотография артиста и режиссера В. Сладкопечева, некогда весьма известного. В Москве таковой не нашлось, и я позвонил из Мюнхена в Киев своей приятельнице в Булгаковский музей, попросил заглянуть в Архив-Музей, поискать фото, а заодно, коли будет четверть часа свободная, пролистать алфавитный («упоминательный») каталог – вдруг в каких-нибудь фондах есть упоминания СДК или, скажем, письма его. Он ведь со многими знаменитыми киевлянами был знаком-связан. Вечером открываю почту – и получаю вопрос: не хочется ли мне ознакомиться с... фондом С.Д. Кржижановского, который – по записи – был передан в Архив-Музей в 1972 году женой СДК А.Г. Бовшек. Последнее – «в стиле СДК»: Анна Гавриловна умерла в 71-м. Но мне уже не до деталей (позже – по совету моему – дату поправили), спрашиваю: нет ли там, часом новеллы «Красный снег»? На следующий день – есть! И приложена полная опись фонда. Стало быть, надо ехать: куча того, о чем даже не слыхивал. Весной 2006-го, собираясь в Москву на

презентацию 4-го тома, договариваюсь с издателем – и меня по приезде уже ждет билет в Киев, на три дня, а там, – опять же, по моей просьбе, Мирон Петровский сумел сделать так, что к моему приходу в читальном зале уже лежали все заказанные «номера».

Когда отобрал – для копирования – все, что мне было нужно для работы, выяснилось, что за один день (третий оказался коротким – канун Пасхи) они не могут столько накопировать, их «техника» не пригодна к таким скоростям. Ну, я и вынес все это в сумке («чтобы милиционер дежурный не заметил») – будто пообедать вышел. Дальше – всякие забавные подробности, которые тогда вовсе не казались мне забавными, ведь в сумке полтыщи страниц неизвестного СДК, а скопировать – где? В итоге все машинописные тексты были скопированы мне на ксероксе... Верховной Рады, а Записные Тетради – на Главпочтамте (то бишь – на Майдане Незалежности).

Или такой – попроще – случай. В 98-м просиживал я днями в Баварской библиотеке – готовил книжку «Пушкин в эмиграции. 1937». Как-то пришел работать – и нет заказанных текстов. Извинились, погуляйте, говорят, минут двадцать, исправимся. И пошел я по полупустому в полдень читальному залу. По пути на краю одного из столов – подшивка ЛГ на 1941 год. Присел, полюбопытствовал – распахнул наугад. И... первое, на что попал – заметка о том, что С.Д. Кржижановский читал свои рассказы в ЦДЛ на заседании «секции рассказчиков» Союза Писателей. В марте. Об этой читке – нигде и ни малейшего упоминания. Никто бы не нашел – просто потому, что не стал бы искать...

Я намереваюсь в книжке сделать отдельную главу про такие вот случаи-как-бы-случайности, которые сопровождали меня почти все три десятилетия занятий СДК, стойкое ощущение, что он мне помогал-соучаствовал. Этакий приключенческий жанр в литературоведении...

Л. Е. Да, я люблю это Ваше слово: литературоведение. И Стихо-Творения. Из Вашей последней книги многое запомнилось, например, «...зубы злобы дня легко ломаются и быстро выпадают...», ««Вместо мудрости – опытность...» С возрастом граница как будто стирается. И хочется поделиться. Но ни мудрость, ни опыт делением не размножаются» [1, с. 338]. Автор, помоему, влияет на своего исследователя. Я различаю в Вас то, что от Кржижановского. Вы все опубликовали или что-то осталось?

В. П. Ну, я уже говорил, что Собрание сочинений изначально не мыслилось как «полное». Это занятие «академическое», которое мне неинтересно. Напечатать *полностью* мне хотелось только прозу, которая, во-первых, практически была не знакома даже его современникам-читателям, шесть новелл и маленькая повесть, вращающую мелькнувшие в периодике двадцатых и начала тридцатых годов, – не в счет. Тем более что самых *зрелых*, лучших его вещей среди опубликованного не было.

И я думаю, что он и уцелел в годы репрессий, скорей всего, именно потому, что его не печатали. Потому что, будь опубликованы «Боковая ветка»,

«Клуб убийц букв», «Возвращение Мюнхгаузена», «Воспоминания о будущем», автор неизбежно очутился «на виду», стал бы *слишком* заметен. А в конце тридцатых к этому легко приплюсовали бы, на это «мастеров» в НКВД хватало, и то, что ходил читать свои сочинения к жившему в соседнем доме Л.Б. Каменеву, с которым еще и сотрудничал в издательстве «Academia» – при подготовке Собрания сочинений Шекспира, правда, то сотрудничество *печатного* результата не дало – из-за сокращения заявленного поначалу издательством количества томов, тем не менее оказалось – для Кржижановского – плодотворным: отсюда взяла начало вся шекспириана его; и то, что в числе ближних друзей Кржижановского был Михаил Левилов, высоко ценимый Н.И. Бухариным в «Известиях» и – одновременно – Каменевым в «Academia».

Я сказал «скорей всего», но сам-то – уверен. Потому что именно такая судьба постигла современника и хорошего знакомого Кржижановского – Михаила Козырева. Его повесть «Ленинград» (которую, кстати, мне тоже удалось впервые напечатать – в издававшемся лет тридцать назад альманахе фантастики «Завтра») не была опубликована. Однако автор не раз и не два читал ее – на заседаниях «Никитинских субботников», в московских издательствах, где иногда собирались писатели и критики послушать неизданные («пока» или «еще») сочинения. Он пытался опубликовать «Ленинград». Безуспешно, относительно вегетарианские времена к концу двадцатых закончились. Однако повесть была известна многим, ее слышавшим. И даже удостоилась напечатанной большой рецензии, написанной одним из самых известных литературных критиков тех лет. В июле сорок первого, то бишь через шестнадцать (!) лет после завершения повести, был арестован. За то, что, как сказано в его энкаведешном *деле*, «написав в 1924 г. повесть “Ленинград” с контрреволюционным содержанием, хранил ее до момента ареста его и распространял среди знакомых» (отмечу, что им, в НКВД, не до «деталей» было, нам же стоило бы сказать, что на самом деле – написал в 1925-м, под впечатлением от *переименования* Петрограда), дальше можно не цитировать, оно – *стандартно*, как в мириадах подобных «протоколов». И в начале сорок второго был забит насмерть в Саратовской тюрьме (или, как сказано в официальном документе, «не вернулся с допроса»).

Я неизбежно отвлекся – меня уже много лет спрашивают, в самых разных аудиториях, почему он, Кржижановский, уцелел...

Возвращаюсь к Вашему вопросу. Прозу в СС удалось напечатать полностью. И тоже – *чудом* (о других *чудесах* уже упоминал).

Сперва в Киеве обнаружилась новелла «Красный снег». О ней было известно, что – завершена. Упоминается и самим СДК, и его женой – в воспоминаниях. Однако текста не было. Прочитав эту вещь, я понял – почему Анна Бовшек не рискнула отдать ее в ЦГАЛИ. Да и, насколько могу судить по машинописи, сам автор не рискнул диктовать ее профессиональной машинистке, то бишь человеку *чужому*. Машинопись явно непрофессиональная, с ворохом, на машинке же, неловко правленных опечаток и, вероятно, «ослышек».

Там же, в Киеве, нашлись две маленьких поздних – послевоенных – новеллы. И «пробные» главы двух романов, ненаписанных, потому как издательство, ознакомившись с этими «заявками» (и, добавлю, представив себе – что за сим может последовать), от дальнейших «дел» с таким автором отказалось.

А шестой том СС, уже готовый к печати, пришлось переверстывать, потому что в последний момент, буквально – накануне подписания книги в печать и отправки в типографию, нашлась новелла «Невольный переулоч», которая считалась... ненаписанной. Впрочем, про это я подробно писал в комментариях к шестому тому, повторяться не стоит.

Итак, три тома прозы. Том статей – у них судьба была поблагополучней. Большинство печаталось, специалистам было неплохо известно, ну, скажем, Дмитрий Урнов и Марк Соколянский мгновенно среагировали на упоминание мною статей СДК о Шекспире. А из неопубликованного в том не попали, как уже сказано, «польские» работы и еще несколько, на мой субъективный взгляд составителя, либо варьирующих уже более или менее сказанное в других статьях, либо не особенно интересных сегодняшнему читателю, не знакомому с тем контекстом времени, в котором они возникали. Кое-что мне было жалко оставлять вне СС, но том-то не резиновый. А «заезжать» в следующий означало порушить изрядно, так сказать, композицию замысла...

В пятом томе предполагалось поместить две наиболее ярких пьесы СДК (то бишь дать некоторое представление о Кржижановском-драматурге), Записные Тетради (полный текст которых тоже был найден в Киеве), переписку Кржижановского и Бовшек, воспоминания о нем. А также, с самого начала, с первого разговора с издателем, я решил, что завершать издание будет работа В.Н. Топорова «“Минус”-пространство Сигизмунда Кржижановского», которую я и теперь считаю лучшим, что написано об этом художнике. Тогда же, в девяносто девятом, Владимир Николаевич дал мне согласие на эту публикацию – перепечатку из его книги «Миф. Образ. Символ» (хотя обычно, как сказал мне, был категорически против перепечатки уже им опубликованного).

Длинный получается ответ. Расшифровка лаконичного – «опубликовано не всё». Могу и еще немного уточнить. Сейчас, готовясь писать книгу о Кржижановском, я подсчитал – по скопированным описям архивных фондов, что вне Собрания сочинений осталось примерно восемь сотен страниц этого автора. Так что, ежели когда-нибудь будет затеяно издание «академическое», шести томов для него будет маловато...

Л. Е. Спасибо Вам! И за публикации, и за разговор.

Литература

1. Перельмутер, В.Г. Записки без комментариев / В.Г. Перельмутер. – Москва: Б.С.Г.-Пресс, 2017. – 384 с.

V.G. Perelmuter, L.V. Yegorova

CONTINUING THE DISCUSSION OF SIGISMUND KRZHIZHANOVSKY AND HIS ESSAY «ON THE POLISH NOVELLA»

Continuing the discussion of the previously unpublished essay «On the Polish Novella»: why was it not included in Krzhizhanovsky's Complete Works; has a manuscript in his own hand survived; what items that he left have been published, or, if not, what has not been, and why not?

Sigismund Krzhizhanovsky, «On the Polish Novella», Krzhizhanovsky's Complete Works, Krzhizhanovsky's handwriting.